

но укрепляя его, Россия им не пользовалась⁴⁴. В столице тогда отсутствовало чёткое понимание, к чему следует стремиться на Дальнем Востоке в целом и в Корее, в частности. «Период Витте» ещё не наступил, единства мнений среди министров не было. Конечно, подобное положение не могло продолжаться долго. Многие догадывались, что корейский вопрос – это источник потенциального обострения отношений на Дальнем Востоке. Вскоре это подтвердилось.

5.3. Русская политика в Корее и японо-китайская война 1894–1895 гг.

Вспыхнувшее в Корее в 1893 г. народное восстание тонгхаков, ввод туда китайских и японских войск дестабилизировали обстановку в королевстве⁴⁵. 23 июля 1894 г. японцы захватили Сеул, арестовали короля, посадили на престол его отца тэвонгуна (своего ставленника, отца кодждона), начали проводить реформы и объявили Корею свободной от всякого китайского сюзеренитета⁴⁶. Затем Япония ещё и развязала успешную для себя войну с Китаем. Японо-китайская война 1894–1895 гг. оказала значительное влияние на дальневосточную политику большинства держав.

⁴⁴ Б.Б. Пак полагает, что Россия в 1890-е гг. стремилась содействовать упрочению «независимости» Кореи (Пак Б.Б. *Российская дипломатия и Корея...* С.36). Это не вполне точно, так как независимость королевства держалась на согласии и балансе интересов трёх-четырёх держав, и целью Петербурга было поддерживать это хрупкое равновесие (не забывая об упрочении собственных позиций), что точнее назвать политикой сохранения status quo. Кстати, в заключении к своей книге Б.Б. Пак также предпочла использовать подобную терминологию (С.222).

⁴⁵ Согласно корейскому поверью, королевскую династию через 500 лет следовало сменить. Якобы этот срок наступал в сентябре 1894 г. К.И. Вебер воспользовался легендой и обвинил Ли Хунчжана в том, что тот необоснованно направил на полуостров китайские войска (Вогак К.И. *Извлечения из донесений // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LX. СПб., 1895. С.35–36*).

⁴⁶ Тэвонгун (отец кодждона) никогда не был монархом: прямая линия династии прервалась в 1864 г., после чего трон наследовался по завещанию. Королева Чо, вдова короля Чуль-Чонга, избрала наследником не тэвонгуна, а его сына. После того, как в 1864 г. коджон женился, его супруга королева Мин окончательно отстранила тэвонгуна от государственных дел, за что он ненавидел её (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.49–51*). В российской историографии к тэвонгуну доминирует, мягко говоря, прохладное отношение за его тесный контакт с японцами. Между тем, у такого известного специалиста по корейским вопросам как Дж. Лензен, тэвонгун вызывал симпатию: он всеми силами защищал Корею от иностранного завоевания и не был чужд реформам (Lensen G.A. *Op. cit. Vol.I. P.18*).

Слишком прямолинейные и агрессивные действия Японии благоприятствовали России: стремление Токио утвердиться в Корее было очевидным и вызывающим, к тому же не сопровождалось необходимой дипломатической подготовкой. Поэтому Петербург имел широкие возможности как защищать желанный ему status quo, так и увеличивать влияние на дела Дальнего Востока, видя своим главным противником Англию⁴⁷. Никаких захватнических планов у самодержавия тогда не было. Россия представляла свою роль как судьи в схватке между Китаем и Японией, заставляющего выслушивать свой могущественный голос при решении судеб всего региона⁴⁸. Однако получив уникальные возможности, Россия воспользовалась ими далеко не лучшим образом.

Вместе с претензиями на первенствующее значение российское руководство демонстрировало нерешительность. В то время как и король, и население возлагали «единственную надежду на заступничество России» перед японской агрессией⁴⁹, Петербург более всего беспокоило лишь то, что «Корея, будучи сама по себе ничтожна, могла бы, благодаря своей слабости, обратиться в орудие враждебных для нас целей» Англии и Японии⁵⁰. Правда, во Владивостоке наблюдались «горячечные стремления» отдельных местных деятелей к немедленному походу в Корею. Но и они по здравому размышлению приходили к выводу, что России вряд ли выгодно вмешиваться в эту войну⁵¹.

Петербург же ещё смотрел на Японию как на «естественного союзника» России против Китая, «с которым мы имеем множество противоположных интересов». Правда, нельзя было допустить, чтобы Япония «совершенно» завладела Кореей, следовало заставить её уйти оттуда. Россия по-прежнему не претендовала на королевство⁵². Только моряки продолжали мечтать о не-

⁴⁷ Всеподданнейшая записка Н.К. Гирса 9 июня 1894 г. // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.15–16.

⁴⁸ Выписка из письма А.П. Кассини 30 декабря 1894 г. // Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991. С.156–157. Николай II пометил на письме: «Совершенно верно».

⁴⁹ А.П. Кассини – Н.К. Гирсу 11 июля 1894 г. // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.46; Симанский П.Н. Указ. соч. С.28.

⁵⁰ Журнал Особого совещания 9 августа 1894 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.64.

⁵¹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Никонову 17 декабря 1894 г. // ОР РНБ. Ф.521. Оп.1. №90. Н.Г. Матюнин выступал за независимость Кореи, полагая, что её присоединение к России невыгодно, так как вызовет осложнения и сделает неизбежным захват Маньчжурии (Матюнин Н.Г. Об отношениях Кореи к иностранным государствам // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVIII. СПб., 1894. С.1–32).

⁵² Изложение отношения Морского министерства к японо-китайской войне 26 июля 1894 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.9–11; 12–13.

замерзающем порте на корейском побережье, для чего были готовы занять, пусть и не сразу, часть Кореи с выходом к морю⁵³. Но их желание не находило практического отражения в политике России.

Однако в начале 1895 г., когда разгром Китая стал очевиден, перед Петербургом встал вопрос: выступать ли за независимость Кореи или воспользоваться ситуацией и потребовать себе территориального вознаграждения (скорее всего, в Китае). Эта дилемма обсуждалась в Особых совещаниях 20 января (1 февраля) и 30 марта (11 апреля) 1895 г. Участники дискуссии сходились в одном: Россия заинтересована не ухудшать отношений ни с конфликтующими сторонами, ни с великими державами. В качестве крайней ответной меры на агрессию Японии на первой совещании допускалось занятие острова Кожедо (Каргодо), либо даже части Маньчжурии. Пока же решили искать согласия с Англией и на всякий случай усилить тихоокеанскую эскадру, чтобы она по возможности была не слабее японской⁵⁴. Россия соглашалась закрыть глаза на возможные территориальные приобретения Японии в Китае, но только не на Корейском полуострове⁵⁵. Столь трепетное отношение к судьбе королевства проистекало, по-видимому, из-за опа-

⁵³ Н.М. Чихачёв – Н.П. Шишкину 27 января 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.18. В апреле 1895 г. тихоокеанская эскадра покинула Кобе и Иокогаму и перешла в Чифу (Китай). После Симоносекского мира она сосредоточилась во Владивостоке. Командование решило искать более удобный порт, после поездки Е.И. Алексеева летом 1895 г. обратив основное внимание на Киао-Чао (Русско-японская война 1904–1905 гг. Ч.1. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 по 1901. Пг., 1918. С.66–75). Е.И. Алексеев приметил также места для желательных баз в корейских портах Мазанпо и Кожедо (Каргодо). Но у них были недостатки: Кожедо находился слишком близко к Японии, а Мазанпо следовало укрепить и соединить его железной дорогой с основной трассой Сибирской магистрали (Там же. С.81–84). Морской министр Н.М. Чихачёв рассматривал как альтернативу другой корейский порт – Шестаков (Там же. С.121). К началу 1896 г. Е.И. Алексеев склонился к варианту Кожедо, но для этого России следовало упрочить своё влияние в Корее. По мнению адмирала, русским должна была «принадлежать организация её вооружённых сил, постройка железных дорог, телеграфов и широкое право пользования портами и южным архипелагом» (Там же. С.142). В общем, это не противоречило политике С.Ю. Витте, правда, вряд ли допускало одновременно дружественные отношения с Японией. Сменивший Е.И. Алексеева Ф.В. Дубасов осенью 1896 г. объехал корейское побережье, остановив свой выбор на Мазанпо. Он был ещё более категоричен, чем предшественник: «война России с Японией является неизбежной, представляется в то же время и желательной как наилучший выход и самое целесообразное разрешение всех затруднений» (Там же. С.197). Правда, это была точка зрения исключительно моряков, не поддержанная ни в МИД, ни в Министерстве финансов (Чой Доккю. Указ. соч. С.89–91).

⁵⁴ Журнал Особого совещания 20 января 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.67–74.

⁵⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.138–139.

сений за собственные рубежи, а также за свободу плавания по Корейскому проливу⁵⁶. Раздел Кореи мог бы привести к появлению рядом с Приморской областью британского форпоста, например, в виде порта Гамильтон. Такая возможность рассматривалась в Петербурге как крайне нежелательная. Поэтому в России сложилась парадоксальная точка зрения относительно Кореи, которую лаконично выразил Н.М. Чихачёв: «Россия – единственная держава, которая может быть вынуждена теми или иными обстоятельствами занять часть Кореи». «Навсегда отказываться от возможности улучшить нашу границу и открыть себе доступ к незамерзающему морю» морской министр считал «шагом крайне нежелательным и весьма неосторожным»⁵⁷.

Ко времени Особого совещания 30 марта (11 апреля) 1895 г., когда стали известны требования Японии к Китаю⁵⁸, назначенный незадолго до этого министром иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский наконец сформулировал цели России на Дальнем Востоке: «приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Маньчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги», то есть, решение всех вопросов за счёт Китая⁵⁹. Николай II понял предложения А.Б. Лобанова-Ростовского по-своему, заключив, что свободный ото льда порт нужен России именно «на материке (юго-восток Кореи)» и он должен быть «обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли»⁶⁰. Получалось, что если Россия, выполняя самодержавную волю, добивается желаемого (порт и полоса земли к нему) за счёт Кореи, тогда о Японии как возможном союзнике следовало забыть. Позднее, в мае 1895 г. выяснилось, что в Токио соглашались на раздел Кореи между Россией и Японией, но Петербург мог претендовать на порт лишь в северной части полуострова, а не на его юго-востоке⁶¹.

⁵⁶ Изложение отношения Морского министерства к японо-китайской войне 26 июля 1894 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.9–11; 12–13; Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С.40–43.

⁵⁷ Н.М. Чихачёв – Н.П. Шишкину 27 января 1895 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.1.

⁵⁸ Их сообщил японский посланник в Петербурге Т. Ниши 9 (21) февраля 1895 г. (Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С.135).

⁵⁹ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел 25 марта 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.75.

⁶⁰ Красный архив. 1932. №3 (52). С.76. См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.67–71. Требование обязательной связи с портом по земле произошло из опасения, что в случае военного конфликта с Англией британский флот сумел бы легко прервать все морские коммуникации России.

⁶¹ Пак Б.Д. Указ. соч. С.219.

Такой курс получил поддержку со стороны С.Ю. Витте, претендовавшего на роль главного руководителя политики России на Дальнем Востоке. На Особом совещании 30 марта (11 апреля) 1895 г. министр финансов решительно объявил Японию главным противником России на Дальнем Востоке и потребовал любой ценой не допустить её на континент, не останавливаясь даже перед тем, чтобы «начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты»⁶².

5 (17) апреля 1895 г. в японском городе Симоносеки⁶³ было подписано мирное соглашение Китая и Японии, положившее конец войне 1894–1895 гг. Потерпевший поражение Китай уступал своей северной соседке остров Формозу (Тайвань), острова Пенхуледао, Ляодунский полуостров, признавал полную независимость Кореи и обязался уплатить контрибуцию в 200 млн. лан⁶⁴. Петербург сразу и категорически возразил против передачи Японии Ляодуна⁶⁵. Решимость России нашла поддержку в Париже и Берлине. Лондон, хотя и не присоединился, но протестовать в одиночку не рискнул. В результате совместного демарша России, Франции и Германии в Токио 11 (23) апреля 1895 г. Япония 23 апреля (5 мая) отказалась от претензий на Ляодунский полуостров⁶⁶. Россия к тому же содействовала заключению Китаем займа для выплаты Японии контрибуции⁶⁷. Это были первые шаги нового дальневосточного курса Петербурга, политики С.Ю. Витте.

Казалось бы, что сближение с Китаем и противостояние Японии развязывает России руки в Корее. Однако это обстоятельство не изменило корей-

⁶² Красный архив. 1932. №3 (52). С.81.

⁶³ Правильнее было бы писать – Шимоносеки.

⁶⁴ Японо-китайский мирный договор 5 (17) апреля 1895 г. // Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.94–98; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.314–318; Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956; Lensen G.A. Op. cit. Vol.I и др.

⁶⁵ Была ещё одна точка зрения, принадлежавшая посланнику в Токио М.А. Хитрову. Он полагал, что Япония, прорвавшись на континент, станет только уязвимее, чем была, и предлагал ответить Токио захватом Северной Маньчжурии, приобретением незамерзающего порта в Корее и строительством через всё королевство железной дороги для соединения гавани рельсовым путём с Сибирской магистралью (Симанский П.Н. Указ. соч. С.41). Несмотря на внешнюю привлекательность, такой план был весьма опасным, так как предлагал решать проблемы в основном за счёт Китая и одновременно вступить в конфронтацию с Японией в связи с Кореей. И всё это в то время, когда Сибирская железная дорога была ещё далека до завершения.

⁶⁶ Подробнее см.: Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М., 1960. С.275–289.

⁶⁷ Подробнее об организации займа см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83.

скую политику империи и отношение к ней С.Ю. Витте. Летом 1895 г. он «дозрел» только до того, чтобы держать в Корее «в качестве своего глаза» агента министерства⁶⁸. Реально его беспокоило лишь возможное экономическое господство Японии в Корее, что в глазах министра угрожало коммерческой роли Сибирской железной дороги⁶⁹. По поручению С.Ю. Витте его товарищ П.М. Романов подготовил специальную записку о мерах для утверждения русского влияния на полуострове. Он писал о необходимости развивать торговлю Приморья с королевством, добиться того, чтобы русским открыли доступ на государственную службу в Корее, в том числе, на таможенную и в армию в качестве инструкторов⁷⁰. Впрочем, большинство мер осталось тогда на бумаге. Нельзя сказать, что С.Ю. Витте вообще не интересовался корейскими делами. Министр финансов с тревогой относился к деятельности японцев в Корее, опасаясь за безопасность русской границы⁷¹. Впрочем, японцы не давали серьёзных поводов для волнений, вели себя «очень спокойно, добиваясь лишь, и то без особой настойчивости, концессии на постройку [железнодорожной] линии из Сеула в Фузан», да постепенно увеличивая численность своей охранной стражи в Корее⁷².

Россия в 1895–1896 гг. могла достичь в Корее намного больше того, что она имела, но сознательно не шла на это, отвергая многочисленные просьбы Сеула о помощи. Уже после окончания японо-китайской войны министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, инструктируя 1 сентября 1895 г. посланника в Корее А.Н. Шпейера, лишь констатировал сохраняющееся неопределённое положение королевства, так и не сформулировав интересы России там⁷³. Петербург гасил любые проявления русской активности в Корее: так, просьба короля назначить советником правительства чиновника Министерства финансов Н.А. Распопова, поступившая летом 1895 г., не была удовлетворена. Не получали отклика и другие желания: открыть кадетский корпус, прислать в

⁶⁸ Д.Д. Покотилов – П.А. Дмитревскому 26 июля 1895 г. // Архив востоковедов СПб филиала Института востоковедения РАН. Ф.14. Оп.2. №178. До этого обязанности агента Министерства финансов в Корее непродолжительное время исполнял Н.Г. Матюнин.

⁶⁹ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.130–131.

⁷⁰ Там же. С.132–133. Б.Б. Пак считает, что С.Ю. Витте приступил к реализации мер, намеченных в записке, лишь в 1897 г. Я полагаю, что действия министра финансов в Корее в то время, когда Пекин уже категорически отказал России в приобретении незамерзающего порта и строительстве железной дороги к нему (рекомендуя, кстати, искать порт на Корейском полуострове), принципиально отличались от его же планов 1895–1896 гг.

⁷¹ С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому, май 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.3–4

⁷² Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 4 сентября 1896 г. // Там же. Л.49, 51.

⁷³ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.57–67.

Корею учителей и инженеров⁷⁴. Вообще попытки антияпонской партии установить контакт с российским руководством наталкивались на ответное молчание⁷⁵. При этом в Петербурге не исключали, что «полное очищение страны японцами явится рано или поздно предметом наших требований»⁷⁶. Стойкий интерес к Корее сохраняло лишь Морское министерство, которое по-прежнему было склонно искать для нужд флота незамерзающую гавань в северной части королевства, правда, где именно, моряки ещё не решили⁷⁷. Военные вообще смотрели на королевство, исходя исключительно из своих интересов, которые часто не совпадали с общим внешнеполитическим курсом России. Подполковник Генерального штаба В.А. Альфтан, совершивший поездку по Корее в декабре 1895 – январе 1896 гг., разделял идею протектората над королевством. Он полагал, что Китай отнесётся дружески к такому шагу, против будет только Япония. Если же бояться войны с ней, то в крайнем случае можно разделить полуостров пополам⁷⁸.

⁷⁴ Пак Б.Д. Указ. соч. С.220–221. В конце концов, Петербург уступил: в Сеул сообщили, что Н.А. Распопову разрешено занять должность советника, но только на один год.

⁷⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.140; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.121–125.

⁷⁶ Цит. по: Нихамин В.П. Указ. соч. С.141; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.128.

⁷⁷ Н.М. Чихачёв – Е.И. Алексееву 8 января 1896 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.45. Л.1–6. Е.И. Алексеев в 1896 г. выбрал территорию в Фузанае для пристани и угольной станции (19 тыс. кв. сажений), но там уже располагался иностранный settlement, адмиралу понравился участок в его центре, что вызвало протесты других собственников (Русско-японская война 1904–1905 гг. С.289–290). Позднее Сеул аннулировал разрешение на продажу участка (С.352).

⁷⁸ [Альфтан В.А.] Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXIX. СПб., 1896. С.76–80. В.А. Альфтан исходил из того, что Сибирская железная дорога должна оканчиваться незамерзающим портом и самое оптимальное место для него – корейское побережье (Фузан или Мокпо).

Кроме В.А. Альфтана, прошедшего по Корее около 700 вёрст в ноябре 1895 – марте 1896 гг., в это же время королевство изучали ещё две русские экспедиции: в ноябре 1895 – мае 1896 гг. полковник Генерального штаба В.П. Карнеев прошёл по Корее 1891 версту, дойдя до портов Мокпо и Масанпо, а также посетив Фузан и Сеул (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.1–171); в октябре 1895 – апреле 1896 гг. капитан М.А. Соковнин побывал в Сеуле и Чемульпо, проделав 122 вёрст; и, наконец, в августе–декабре 1896 г. капитан А.Г. Лубенцов добрался до Гензана и Кёнхына, одолев 1934 версты (Список всем офицерам, бывшим на рекогносцировках, с указанием результатов работ (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.19 об. – 22). Обращает на себя внимание то, что все путешествия русских офицеров по территории королевства

Выжидательная политика Петербурга контрастировала с мнением российских дипломатов на Дальнем Востоке, скептически относившихся к инструкциям из министерских канцелярий и имевших, как правило, своё представление о надлежащем образе действий России. В частности, это касалось уполномоченного в делах России в Сеуле К.И. Вебера, сменившего А.Н. Шпейера, а также некоторых местных чиновников, например, приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова⁷⁹. К.И. Вебер настаивал на более решительной поддержке короля и противодействии Японии так, что Петербургу приходилось осаждать его. По-видимому, за излишнюю активность 5 (17) июля 1895 г. Николай II распорядился заменить его на А.Н. Шпейера, несмотря на возражения корейского короля⁸⁰. Такие разногласия не могли остаться, хотя бы частично, незамеченными корейским руководством, которое подмечало непоследовательность политики России. Тем не менее, окружение королевы Мин летом 1895 г. настояло на смене прояпонски настроенных министров, назначив на их места своих ставленников – сторонников ориентации на Россию⁸¹. То есть, правящая группировка во главе с королём в той непростой для Кореи ситуации однозначно сделала ставку на Петербург.

5.4. Переворот 1895 г. в Сеуле: провал Японии, удача России

Дальнейшему усилению российских позиций в Корее в основном способствовали сами японцы. Потерпев обидную неудачу в территориальных притязаниях на Ляодунский полуостров, Страна восходящего солнца предприняла грубую попытку государственного переворота в Корее. 8 октября 1895 г. японские агенты проникли в королевский дворец и зверски убили королеву Мин⁸². Король оказался в их руках и находился на грани потери всякой власти. Благо-

оканчивались в портах, которые могли стать базой для русского флота, а маршрут, возможно, являлся трассой будущей железной дороги к гавани.

⁷⁹ Нихамин В.П. Указ. соч. С.156.

⁸⁰ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.125–127. Б.Б. Пак полагает, что российский дипломат заболител преимущественно о сохранении Кореи независимости. Но всё-таки на первом месте для него стояло усиление влияния России для вероятного присоединения королевства в будущем. А.Н. Шпейер прибыл в Сеул только 27 декабря 1895 г. (8 января 1896 г.), но и после этого К.И. Вебер получил указание оставаться в Корее (С.166).

⁸¹ Там же. С.121. Корейское руководство состояло из трёх министров (или первых советников короля), семь министерских департаментов и восемь губернаторов провинций. Существовал также Государственный совет, не имевший строго очерченных полномочий. Король не возглавлял его, являлся лишь членом (Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. Нижний Новгород, 1896. С.4).

⁸² Подробнее об этом см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.224–225; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.135–141.